

18+

Фумико Хаяси

**В сибирском
поезде**

*Сборник рассказов
и эссе*

Фумико Хаяси
В сибирском поезде.
Сборник рассказов и эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72211168

ISBN 9785006747739

Аннотация

В этом сборнике собраны рассказы и эссе, в которых Хаяси с пристальным вниманием рассматривает будни японских женщин 1930–1940-х годов. Ее героини – вдовы, жены, любовницы, матери, работницы и даже заключенные – живут в мире, где любовь часто оборачивается разочарованием, брак становится клеткой, а свобода остается недостижимой мечтой. Но именно в этой обыденности, в этих, казалось бы, неприметных судьбах, Хаяси находит нечто большее – упрямую, неистребимую жажду жизни. Впервые на русском.

Содержание

Обыкновенное чудо Фумико Хаяси	5
В сибирском поезде	7
Письмо первое	7
Письмо второе	10
Письмо третье	13
Письмо четвертое	16
Письмо пятое	19
Письмо шестое	22
Хурма	26
Поиски жилья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В сибирском поезде

Сборник рассказов и эссе

Фумико Хаяси

Переводчик Павел Соколов

Составитель Павел Соколов

© Фумико Хаяси, 2025

© Павел Соколов, перевод, 2025

© Павел Соколов, составитель, 2025

ISBN 978-5-0067-4773-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обыкновенное чудо Фумико Хаяси

Фумико Хаяси (1903—1951) – писательница, чей голос звучит с удивительной ясностью даже спустя десятилетия после ее смерти. Ее проза – это не громкие декларации и не изысканные литературные эксперименты, а тихий, но пронзительный разговор о жизни такой, какая она есть: с ее горечью, нежностью, бедностью, надеждами и маленькими радостями.

В этом сборнике собраны рассказы и эссе, в которых Хаяси с пристальным вниманием рассматривает будни японских женщин 1930—1940-х годов. Ее героини – вдовы, жены, любовницы, матери, работницы и даже заключенные – живут в мире, где любовь часто оборачивается разочарованием, брак становится клеткой, а свобода остается недостижимой мечтой. Но именно в этой обыденности, в этих, казалось бы, неприметных судьбах, Хаяси находит нечто большее – упрямую, неистребимую жажду жизни.

Хаяси пишет так, будто ведет доверительную беседу с читателем. Ее стиль – это смесь исповедальности и наблюдательности, где личный опыт переплетается с коллективной судьбой. Она не боится говорить от первого лица, но ее «я» никогда не становится капризным или самовлюбленным. Напротив, оно растворяется в «мы» – в общем опыте женщин ее поколения.

В эссе «Обыкновенная женщина» она размышляет о том, как с годами начинает ценить то, что раньше казалось ей скучным: разговоры матерей о детях, домашние хлопоты, даже штопанье носков. «Жизнь покрывает нас своим налетом», – замечает она, и в этой фразе – ключ к ее творчеству. Хаяси не романтизирует повседневность, но и не презирает ее. Она находит в ней глубину, которой чаще всего не замечают.

Хаяси выросла в бедности и никогда не стеснялась этого. Ее проза полна деталей быта, где каждая копейка на счету, а новый платок – уже роскошь. Но ее героини не жалки. Даже в нищете они сохраняют упрямую гордость, как молодая вдова из рассказа, которая, влюбившись, снова начинает рисовать и перестает кричать на детей.

Фумико Хаяси не предлагает готовых ответов. Ее проза – это не учебник жизни, а зеркало, в котором можно увидеть себя. Она говорит о вещах, которые до сих пор остаются табу: о неудовлетворенности в браке, о женском одиночестве, о том, как трудно быть одновременно матерью, женой и просто – человеком во времена великих потрясений.

Еще в СССР выходил сборник её малой прозы с предисловием Ильи Эренбурга в отдельном 1960 году. Редкие новеллы писательницы то и дело мелькали в той или иной антологии. Но новых сборников не публиковалось на русском языке. Эта книга призвана исправить эту несправедливость.

Павел Соколов

В сибирском поезде

Письмо первое

В Чанчунь я прибыла ночью двенадцатого ноября. Дыхание уже превращалось в белый пар, но снег ещё не шёл. В отличие от прошлого года, когда я приехала с пустыми руками, теперь у меня было четыре чемодана, а вокзал кишел солдатами – не до носильщиков. Пробравшись сквозь ряды японских военных с блестящими штыками, я наконец оказалась в полутемном зале ожидания. Тут были киоски, обменник и чайная. Потягивая пятисентовый лимонный чай, я размышляла о предстоящем долге и неясном пути.

«Недавно одного сотрудника ЮМЖД между Харбином и Чанчуном вытащили из поезда – до сих пор не нашли», «Говорят, консула в Цицикаре зверски убили» – такие разговоры я слышала в поезде по пути из Шэньяна. Везде только и разговоров, что о войне, но меня это как-то не задевало. В конце концов, умереть можно где угодно – с этой странной решимостью я несколько раз выходила на перрон, перетаскивала чемоданы в зал и рассеянно разглядывала витрины. В прошлом году здесь продавали потрёпанные открытки с актрисами Курисимой Сумико и Такао Мицуко, но теперь их не было – лишь острое чувство одиночества в чужом

краю.

Здесь мне очень помог сотрудник «Джапан Турист» – китаец, и от этого было как-то неловко. Я наивно поверила его словам «хотя бы на этом участке стоит ехать вторым классом» и поменяла билет на спальное место второго класса между Чанчуном и Харбином. Было тревожно, но я почему-то восхищалась: «Деньги всё-таки дают свои преимущества».

«Если запереть изнутри вот так, всё будет в порядке», – молодой китаец-клерк несколько раз показал, как работает замок. Отсюда обслуживают русские проводники, которые рады чаевым в японской твердой валюте. Заперев дверь со словами «ну вот и хорошо», я переоделась в пижаму, и вдруг почувствовала звон в ушах, будто оказалась в горах. Наверное, от непривычной тишины. От поезда до перрона было довольно далеко. Когда состав тронулся, китаец-проводник пришёл заправлять постель. Он сходил на следующей станции, поэтому, когда он застилал постель, я положила ему на поднос от чашки мелкую монетку. Мне говорили, что можно и не давать, но он был так учтив, что не дать было невозможно.

В четырёхместном купе я оказалась одна. Стало немного жутко, но я решила просто запереться и лечь спать. Подняв глаза, я увидела, что мой номер – тринадцатый. Да и в Харбин мы должны были прибыть тринадцатого. Мне стало не по себе, и я принялась жевать освящённый рис, ко-

торый дала мне мать. Смешно называть меня суеверной, но я до сих пор с нежностью вспоминаю эти детские чувства...

Утром тринадцатого, около восьми, мы без происшествий прибыли в Харбин. Мой поезд почему-то застрял между товарными составами, и портье из «Североманьчжурской гостиницы» меня не встретил. Пришлось нанять русского носильщика, чтобы тот отнёс четыре чемодана хотя бы к выходу со станции.

Зимний Харбин мне нравится больше, чем летний. Пейзажи холодных стран хороши именно в холоде. Воздух был хрустальным, и это приятно щекотало нервы.

«Японская гостиница. Хокман» – этих слов оказалось достаточно, чтобы русский извозчик меня понял. Автомобиль мчался по старой булыжной мостовой, и я съёживалась от страха, когда мы прорезали ряды марширующих китайских солдат.

Итак, первое испытание позади, но впереди – главное сражение, которое предстоит выдержать сегодня вечером.

Письмо второе

Повторюсь вновь: я люблю Харбин. Может, из-за дешевизны, а может, из-за одиноких прохожих, бредущих без цели... В «Североманьчжурской гостинице» меня все помнили. Те же самые служанки, что и в прошлый раз.

«У вас тут всё спокойно?» – с этих слов начались наши приветствия. В Харбине было куда мирнее, чем я представляла в Японии.

«У нас вообще ничего не происходит», – смеялась служанка из Нагасаки, говоря, что Харбин – тихое место. Один вид из окна заставлял задуматься: «Где же эта война?».

«Японского чая с рисом вам теперь не скоро попробовать», – и я заказала на завтрак мисо-суп и соленья.

«Недавно тут останавливалась одна японка, тоже одна».

«И она благополучно добралась до Сибири?»

«Да, вроде благополучно. Уезжая, она тоже ела японскую еду и говорила что-то вроде „может, умру“... Грустно так...».

Похоже, это была учительница музыки по фамилии Сёдзи. Я думала поехать с ней из Токио до Парижа, но она путешествовала вторым классом – не по моим средствам, – и я отстала на шесть дней.

«Ей повезло. А я смогу перебраться благополучно?..».

Пока мы разговаривали, пришли новости: из Цицикара

эвакуировали всех женщин и детей. Служанки уговаривали меня остаться на пару дней и выждать, но если бы я стала ждать, то точно застряла бы. Поэтому я твёрдо решила уехать с поездом в три часа дня.

Из Харбина в Сибирь ехала только я одна из японцев. Были ещё несколько иностранцев – немецкий торговец оборудованием, два-три американских журналиста, да и всё. Остальные пассажиры – китайцы.

«Одна японка едет в Германию, но говорит, что подождёт пару дней и посмотрит, как будут развиваться события».

Но у меня не было денег ждать, и я решила все-таки сесть на поезд. Отправилась за покупками: предстояло готовиться к холодам, а если питаться в сибирском вагоне-ресторане, это вышло бы слишком дорого. Поэтому я купила одеяло и провизию.

Красное одеяло, купленное в Харбине, стало моей дорогой реликвией. В Париже я использовала его как подстилку.

Я купила дешёвую корзину из лозы и стала складывать туда продукты. Впервые ехала в Сибирь, и, хотя старалась покупать с умом, многое упустила.

Купила бутылку вина, но оно оказалось харбинским – горьким и противным. Ещё взяла чёрный чай, десять яблок, пять груш, карамель, три вида колбасы, две банки тушёнки, два лимона, масло, коробку сахара, два батона хлеба, желе. А также чайник, сушёное мясо, ложку, алюминиевую кружку. Спиртовку, перекись водорода, соевый соус, спирт и соль

мне дали в магазине «Мидзогути» – всё это очень пригодилось.

Не успела даже в баню сходить – уже пора было на вокзал. Господин Кобаяси из «Майнити» предложил отправить телеграмму, чтобы меня встретили в Цицикаре или Москве – для одинокого путника это большая радость.

Я снова поменяла билет на спальное место второго класса. Всё шло не по плану, но если подумать, что я провела бы эти два-три дня в Харбине, просто наблюдая за ситуацией...

Я успокоилась и машинально взглянула в окно – и впервые с ужасом увидела своё осунувшееся лицо.

Что касается багажа, то вместо четырёх маленьких чемоданов лучше взять один большой и дорожный саквояж для мелочей. Моей соседкой по купе оказалась русская старушка, сходявшая в Хайларе. С седыми волосами, но в красной кофте и шляпке, она выглядела на тридцать.

Критический момент наступал около девяти вечера, но слова этой русской женщины «всё будет хорошо» немного успокоили меня.

Письмо третье

Четырнадцатое. Я услышала отдалённые звуки войны – отзвуки ружейных выстрелов в небе. Сначала подумала, что это хлопушки, но вскоре звук изменился, став похожим на раскаты грома или стук ткацкого челнока.

С девяти вечера тринадцатого до рассвета четырнадцатого на каждой станции китайские солдаты громко стучали в двери вагонов.

Когда раздался особенно сильный стук, русская женщина напротив громко что-то крикнула. Наверное, что-то вроде «здесь женщины, не шумите!». Я жестами показала, что там, наверное, драка, и что мне страшно. Русская, должно быть, поняла меня и рассмеялась: «Да-да!».

Мы вместе ужинали в вагоне-ресторане. Мне хотелось отблагодарить её, но я не знала как – и подарила бумажный шарик, купленный на Гиндзе перед отъездом. Даже утром она надувала его и радовалась: «Спасибо!». Как ребёнок.

Я думала, что бумажные шары подходят только бледнолицым азиатам, но они удивительно шли и этой русской старушке. Жестами она объяснила, что была учительницей – наверняка из белых эмигрантов.

Разноцветный шарик кружился в воздухе, создавая радостное настроение. Шторы были плотно задернуты. В Хайлар мы прибыли около десяти утра.

«Мы больше никогда не встретимся», – подумала я, и, как только мы разжали руки после прощального рукопожатия, тут же раздвинула шторы, чтобы в последний раз увидеть бодрю фигуру старушки, шагающей по перрону.

До Парижа... да и в столице Франции я встретила много добрых попутчиков. Ничем не могла отплатить им, и мы просто забывали друг друга...

У русского шлагбаума на станции китайские солдаты и американские журналисты о чём-то смеялись, пожимая руки.

По какой-то причине сибирское небо на горизонте казалось очень азиатским, и лица китайцев выглядели удивительно спокойными... Хотя, возможно, у каждой страны есть свои тигры, которых та носит на спине...

В Маньчжурию мы прибыли в полдень. Граница между Россией и Маньчжурией. Снега ещё не было. Редкое японское солнце светило в небе.

«Японское» – вы смеётесь? Но в этом слове была ностальгия...

Здесь меня встретили господин Симидзу из «Майнити» и японец-клерк из бюро. Оба были милыми людьми.

Таможня – вторая после Аньдуна. Пока досматривали багаж, мне поставили штамп в паспорт. На высокой пустынной стене таможни висела большая карта Сибири – напомнило спортзал сельской школы в дождливый день.

Через Сибирь проезжали только мы с немецким торгов-

цем. Пока советские таможенники копались в моём чемодане, китайские жандармы несколько раз спрашивали моё имя, профессию. Проверяли паспорт, конечно, и даже поинтересовались, сколько у меня денег. Это уже были русские.

Я, как меня учили, показала, что у меня триста долларов. Фотоаппарата и пишущей машинки у меня не было, но если бы были, их бы опечатали на время поездки в проезде.

На таможне произошёл забавный случай. У меня были закуски «Тамакия», подаренные господином Симомура Тякю. Их заставили меня открыть, и я достала один моллюск и съела. Должно быть, эта еда землистого цвета показалась им странной.

Когда все формальности закончились, я наконец устроилась в жёстком вагоне до Москвы, где предстояло провести целую неделю.

Письмо четвертое

Ходили слухи: коммунистическая армия уже выступила на Цицикар, русское оружие массово передается китайским солдатам, японские войска растянуты, среди бандитов формируется мощная коммунистическая армия... Но вопреки этим разговорам, станция Маньчжурия встретила нас тишиной – словно затишье перед бурей.

Наконец-то советская территория.

На фоне голубого неба ярко алели красные флаги. По путям катились красные вагоны. Бескрайние поля тянулись, как море суши. Пересекши границу, я обменяла всего двадцать иен на рубли. В поезде появился сотрудник госбанка с портфелем – выглядел он, однако, как дряхлый сборщик платежей за электричество. Новенькие, только что отпечатанные рублевые купюры с изображением снопов пшеницы напоминали табачные этикетки. За обмен с меня взяли ровно сорок копеек – девять бумажек и немного мелочи.

Вечером, хотя часы показывали семь, было еще светло, когда мы прибыли в Харанор. На маленькой станции отправление поезда возвещал колокольчик.

Теперь о моем купе. В каждом вагоне восемь купе по четыре места. Я заглядывала и в первый, и во второй класс, но для путешествия по Сибири рекомендую третий – жилось мне там совсем неплохо.

Проводнику, как мне сказали, достаточно дать три иены. По курсу это около пятидесяти копеек за день, но я, сама не знаю почему, отдала целых пять. Щедрость ведь не порок. Хотя чаевые в рублях здесь не в почете – японские деньги ценятся, ведь за границей можно купить дешевые рубли.

Мой проводник – коренастый, угрюмый парень, похожий на шахматную ладью. На фуражке – маслянистое советское клеймо с серпом и молотом. Возможно, не из-за пяти иен, но он относился ко мне очень тепло. За два дня запомнил мое имя. Под фуражкой – белоснежный лоб и золотистые волосы.

Я узнала, что в Москве у него живет мать и хромой младший брат. На вопрос, чем я буду заниматься в Париже, я ответила: «Рисовать картины с таких красивых мужчин, как ты». Он тут же принес бумагу и карандаш – рисуй. Я покраснела.

«В пути попутчик – уже друг» – эта японская поговорка здесь подтвердилась. В соседнем купе ехал немецкий коммерсант. Проводник, показывая на него пальцем, смеялся: «Германец – буржуй». Оказалось, тот вез пишущую машинку, патефон и фотоаппарат.

Немец был обходительным, но самый добрый из попутчиков – русский из того же купе. Мое купе оставалось в моем полном распоряжении. По утрам соседи звали меня на чай и в карты. Моя ломаная русская речь их веселила – наверное, поэтому они меня полюбили.

Слева ехали молодой человек, сходявший в Перми, и бойкий мужчина лет сорока. Молодой пермяк мне очень нравился. Мы часто беседовали у окна в коридоре. Высоченный, он напоминал мне Бородина – такой же могучий, с добрыми голубыми глазами.

Письмо пятое

Вечером шестнадцатого прибыли в Новосибирск. Привезенная еда уже надоела, и я хлебала противное харбинское вино.

Сны. Кажется, за всю жизнь мне не снилось столько, сколько здесь. Будто путешествие во сне без пробуждения.

В Новосибирске сел мальчик лет пятнадцати. Поселился он, конечно, в соседнем купе, но сразу пришел ко мне, оклика: «Японка!». Выяснилось, что его мать – секретарь женского общества в Москве, и он едет к ней после года разлуки.

«Я пионер!» – бодро заявил он и убежал.

Сибирский поезд третьего класса – спокойное и веселое место.

Семнадцатого утром пришли за заказом на обед. Я согласилась. Официант открывал дверь и спрашивал: «Обед?». Достаточно ответить «да» или «нет».

Пермяк, кажется, впервые заказал обед и радостно щелкал пальцами. Прижавшись лбом к окну, я смотрела на чахлые березки, гнущиеся под метелью. Пермяк запел песню в духе танго. Русские так любят петь!

Мне даже пришло в голову: может, сойти с ним в Перми и стать его женой? Но разница в росте – почти два фута, да и языка я не знаю. Впрочем, до Перми еще далеко – есть время подумать.

Смешно, правда? Но в этом скучном путешествии только мечты и скрашивали дорогу. Чем же заняты пассажиры первого и второго классов?

На обед мы отправились с пермяком, немцем и его соседом – минчанином (так я прозвала его, потому что он сходил в Минске, у польской границы).

Меню: суп, омлет (без мяса), мучное блюдо (типа клецок), пудинг. В токийском кафе «Хонго» это стоило бы двадцать копеек. Здесь – три рубля (около трех иен).

«Горько, как хинное дерево» – вот что я почувствовала.

За столиками – офицеры и дамы с яркой помадой. Дамы, правда, больше походили на интеллигенток – кофты с распущенными нитками. Крестьянки носили блузы, как у художников. В Японии женщины разве что на черной работе – здесь же они строили железную дорогу.

За неделю из окна вагона я увидела русских женщин бодрыми, даже грубоватыми. Чеховские или горьковские героини теперь, видимо, роскошь. Хотя и здесь встречались интеллигентные дамы, красящие ногти в коридорах первого класса.

Яблоко стоило рубль, яйцо – пятьдесят копеек. Но больше всего поразили «императорские суши», продававшиеся после Байкала. Я даже швырнула журнал и закричала: «Опять!». Два штуки за рубль. Думала, внутри рубленое мясо, но оказалось – клецки в кляре.

Впервые в жизни я делала такие бессмысленные покупки.

Маленький цыпленок-гриль стоил пять рублей – не по карману. Хотелось молока, вареных яиц, но цены кусались.

Письмо шестое

Сибирский холод особенный, страстный. На каждой станции пассажиры выходили прогуляться по скрипучему, как крахмал, снегу. Все в утепленных пальто и войлочных сапогах, которые они называют валенками.

Дотронешься до металлического поручня – больно. Проводник предупредил: долго держать нельзя – пальцы примерзнут.

Приятно удивило, что на станциях давали бесплатно кипяток. На крупных остановках проводник спрашивал: «Чай?» – и относил мой чайник за водой. Сахар я давала свой, и мы пили чай в его купе в компании четырех-пятерых человек. Иногда я сама приносила заварку.

Курили, заворачивая табак в газеты. Один рыбак, пропахший селедкой, рассказывал о Японии: «Гейша, чиб-чиб-чиб...». Я не поняла, но потом рассмеялась – это звук гэта. Я показала: «Кара-кара...». Он обрадовался и объяснил другим.

В общем, не отличалось от третьего класса поезда в Сидзуоку.

Вечером восемнадцатого в купе вошла женщина с ребенком – хрупкая, как недозрелая дыня. Девочка, Валя, сразу ко мне потянулась. Но мать только и твердила: «Дай!».

У меня была дешевая японская тушь для бровей «Полу-

месяц». «Ты себе в Париже купишь, а мне отдай», – требовала она.

«У тебя светлые волосы – черные брови будут смешно смотреться», – уговаривала я. В конце концов, отдала половину – боялась сглаза.

В России, в отличие от Японии, цоканье языком означает одобрение.

Валя подошла и поцеловала меня в щеку.

Иногда немец ставил пластинки. Под музыку, глядя на заснеженные поля, я не могла сдержать слез. Русские так любят музыку!

Видели фильм «Тройка»? Танго запрещено, но в поезде звучали грустные песни. За окном мчались те самые киношные сани. Когда играла музыка, двери распахивались, как улей, и все собирались у купе немца.

Обеды. Полгода назад, говорили, питание было обязательным. Теперь – по желанию. Пермяк читал стихи. Жаль, говорил он, что я не знаю русского – столько интересного мог бы рассказать.

Однажды я спросила: «Разве столовая не для буржуев?» – и пожаловалась на пионера, который как нищий выпрашивал хлеб.

«Почему его не кормят?». Пермяк по-детски рассмеялся: «Не знаю».

Мальчишка высматривал, когда я сажусь есть, и жалобно просил: «Хлеба, мадемуазель!». В конце концов я рассерди-

лась и отдала ему каменный хлеб и яблоко.

Припасы мои таяли. Остались лимон, сахар, чай и сушеная рыба.

Девятнадцатого я снова заказала обед – на этот раз с минчанином. Суп (с чем-то вроде редьки и моркови), кислые клецки, гречка с куриными косточками.

Мечты перед обедом веселили, но после еды наступало разочарование.

Вечером заплатила шесть рублей за подушку, простыню и одеяло – точнее, за рваную оранжевую тряпку. Лучше было купить в Харбине два одеяла.

Постельные принадлежности брали только иностранцы. Русские везли с собой подушки, одеяла, даже чайники – типичная картина третьего класса.

Вечером проводник угостил меня супом – соленым, но вкусным. Позвали и пионера.

Проводник, видя мои слезы, спросил: «Токио? Мама, папа? Скучаешь?».

Пассажиры, наверное, принимали меня за восемнадцатилетнюю – я была маленькой. Русские куда простодушнее французов. Я пообещала проводнику отдать ему в Москве алюминиевую кружку, лимон, сахар, чайник и остатки чая.

«Домашний чайник совсем развалился», – сказал он.

Почему Россия развивает тяжелое машиностроение, но не может обеспечить быт? Пассажиры третьего класса выглядели вечно голодными.

Хурма

В соседнем доме жило семеро детей. Когда мы только переехали, в нашем дворе то и дело появлялись засохшие филиалы – через забор из криптомерий пробирались соседские ребята, перекатывая во рту эти «фонарики» и забавляясь с ними.

Осень выдалась ветреной – быстрые облака, опавшая листва, скапливающаяся по обе стороны забора.

– Тётя, у вас есть малыш? – спрашивала Футико, вторая снизу, похожая на западную куклу, повисая на нашем кухонном окне и внезапно выглядывая.

Раньше по соседству жили старики, ухаживавшие за маленьким двором и державшие кур. Потом они уехали в Осаку к сыну, и дом долго стоял пустым. За лето двор зарос травой, даже курятник заполонили белые цветы, часто растущие у железной дороги. Но когда въехала семья с семерыми детьми, сорняки быстро исчезли, образовав отличную площадку. Дети, вооружившись метлами побольше себя, сгребали листья и жгли их.

В саду пустовавшего дома росла хурма, на которую я положила глаз. Дерево было усыпано плодами, покрытыми голубоватым налётом. Каждый день я с нетерпением разглядывала их из кухни – ещё две недели, и можно будет собирать. Но тут подселились эти семеро, и мне оставалось лишь

с завистью наблюдать.

Четвёртый по счёту мальчик, По-тян, сжигая листья, спросил:

– Мам, а когда уже можно срывать хурму?

Низенькая полная мать улыбнулась, взглянув на дерево:

– Ой, нет, ещё рано. Зелёные, живот заболит.

Я тоже разглядывала сквозь ветки тёмные плоды с чёрными пятнышками.

Осень стояла сухая – половинки облаков порхали вместе с листьями. Дождя не было совсем. Из соседского дома в мою рабочую комнату доносились разговоры:

– Скоро похолодает... Ой, смотри, когда я говорю, изо рта пар идёт! – это голос старшей дочери, четырнадцатилетней Сумико.

Вскоре после их переезда двенадцатилетняя Кэйко и По-тян принесли вечером письмо. На конверте стояло имя Коидзуми Кокусэки.

– Ах, вот как... Передайте отцу, что он может зайти, если хочет, – сказала я.

Мальчик тут же нырнул под забор, чтобы позвать отца.

Кэйко сидела с невозмутимым видом:

– У вас такой тихий дом...

Мне вдруг стало неловко, и я включила радио:

– Вот, послушайте.

Как раз играли «Итальянку в Алжире» Россини с красивыми трубами. Кэйко, в красно-чёрной пёстрой кофте, пря-

тала руки.

– Ну-ка, покажи тётё свои ручки.

Она нерешительно протянула ладони – милые, но грубые, как у взрослой.

– Ты помогаешь на кухне?

– Да, варю рис, – та застенчиво улыбнулась.

Я совсем не знала Коидзуми Кокусэки и размышляла, о чём с ним говорить, когда По-тян привёл гостя. Тот, громко хохоча, ввалился в комнату, будто к себе домой, и уселся рядом с моей матерью, приведя её в изумление.

С полотенцем на поясе и в пёстрой юкате сына он выглядел настоящим горцем.

– Триста иен в месяц уходит... – рассказывал он.

«Как же тяжело», – подумала я.

Глядя на Кэйко, любившую возиться на кухне, я вспомнила себя в одиннадцать лет, когда жила у бабушки и варила рис. Пухлые щёки девочки напомнили мне моё детство.

– Кэйко, хурма уже поспела?

– Ой, эту хурму? Мы ждали-ждали, а хозяин всё забрал. Обидно.

На следующее утро, выглянув из кухни, я увидела, что все зелёные плоды сорваны, а под деревом – ещё больше опавших листьев.

Футико, что-то бормоча, привязывала к ветке верёвку от угольного мешка, чтобы сделать качели.

– Упадёшь! – крикнула я.

– А хурма улетела на небо! – ответила она, завязывая узел. – Мама разрешила качели!

Я пошла в овощную лавку на холме и купила два сё сладкой хурмы, немного отнесла соседям.

Из кухни я видела, как Футико, жуя хурму, напевала:

– Футико, а папа где?

– Пьёт сакэ.

– А мама?

– С малышом.

– А старший брат?

– В школе.

– Старшая сестра?

– Маме помогает.

– Кэйко?

– В школе.

– Сатико и По-тян?

– Тоже в школе.

– А малыш?

– Агукает!

– Хурма вкусная? – спросила я.

– Яблоки больше люблю, – ответила она, оскалив белые, как у мышки, зубки, и принялась грызть кожицу.

Мне вдруг захотелось ребёнка. Выйдя во двор, я потянула Футико за ручку через забор:

– Иди ко мне. Расскажу интересное.

Она прижала ухо к моей щеке. Рассмеявшись, я тоже про-

шептала: «Знаешь что...».

Детский запах молока вызвал незнакомое щемящее чувство, сердце забилось часто-часто.

Присев на опавшие листья, я закрыла лицо руками.

– Мы в прятки играем! – крикнула пятилетняя Футико с верёвкой в руках и убежала.

В этом году та семья переехала в Сагиномия. На соседской хурме уже висят маленькие плоды, но сегодня нет солнца – наверное, кислые.

1934

Поиски жилья

От дома человека по имени Ямадзаки, если спустаться по склону Додзака, видна крыша ателье господина Фукудзава Итиро. В одном из переулков, рядом с домом, сгоревшим дотла – торчат только почерневшие балки, – я заметила дом, сдающийся внаём. Перед ним буйно цвели шалфеи.

Дом старый, ветхий, с двумя входами. Ставни отсырели, впитав воду. Клумбу обложили пивными бутылками, но внутри неё – кучи мусора, валялась вывеска какого-то общества медсестёр.

«Жить здесь не хочется», – подумала я.

Я вышла на трамвайную линию Додзака, пересекла её и свернула в переулок у красильщика. Это уже был девятый квартал Ниппори в районе Аракава.

Слово «Аракава» звучало так, будто это где-то очень далеко. Устав бесцельно искать жильё, я побродила по улице с лавками старьёвщиков, угольщиков и рыботорговцев. В своём длинном пальто, развевающимся на ветру, я походила на китаянку.

Угольщик грел воду на брикетах в колбе с красной жидкостью, привлекая внимание прохожих. Я тоже ненадолго задержала взгляд.

Запахи лапшичной, суши-закусочной, пекарни с тайяки. Играла пластинка.

Я прошла мимо святилища в Табата, полюбовалась забавной статуей енота перед камнерезной мастерской, поднялась без цели по кирпичной дорожке у храма Сува.

Мимо шли школьники. У всех нездоровый вид. Может, от холодного ветра. Лица у них были синеватые.

Ближе к кладбищу Янака шансов найти жильё не прибавилось. Я просто брела, и в голову лезли самые грустные мысли.

У школы Асакура я удивилась помпезному зданию. На крыше стояла бронзовая статуя.

«Похоже на дом, который понравился бы провинциалам», – подумала я.

Я прошла между камнерезом и кондитерской и вышла к кладбищу Янака. Здесь было свежо и спокойно. В садах храмов цвели камелии, деревья уже окрасились в осенние тона.

На широкой улице у статуи Каваками Отодзиро (1864—1911, актер, театральный и политический деятель – прим. ред) я немного отдохнула. Две девочки ели мандарины. Глядя на них, я почувствовала кислый привкус на языке.

Статуя Каваками Отодзиро изображала его молодым.

«Я ведь ни разу не видела его спектаклей», – подумала я, и сама почувствовала себя ребёнком.

За монументом был общественный туалет, люди входили и выходили.

Я пошла к крематорию Янака. Ивы перед ним, несмотря

на ноябрь, всё ещё зеленели.

Напротив, через дорогу, была маленькая лавка рамок. Кажется, её не перестраивали с давних времён. Я свернула налево у камнереза и вошла в Сакурагитё. Там увидела скромный дом с табличкой «Сдаётся».

Из-за забора торчало старое, почти голое дерево сарусубэри. Оно напомнило мне дом господина Кавабата.

Я нашла управляющего и попросила показать дом. Из-за долгого простоя он был сырым и мрачным.

Управляющий – седой старик лет семидесяти, возможно, тугой на ухо – громко спросил: Где вы сейчас живёте?». «В Отиаи», – ответила я.

Он повторил «Отиаи», не обращая внимания на мой вид, и, опираясь на палку, повёл меня внутрь.

Прихожая – четыре с половиной татами, гостиная – восемь, комната для служанки – три, отдельный флигель – шесть. Всё приличное, но меня напугала странная комната в две татами за нишей в гостиной.

– «На втором этаже восемь татами, хороший вид», – сказал управляющий, медленно поднимаясь по крутой лестнице.

Я последовала за ним. В темноте, на середине лестницы, я вдруг вспомнила рассказ Сато Харуо «Дом с привидениями» и затряслась.

Лестница делала поворот, становилась ещё круче. Наверху было совсем темно, только стук палки управляющего раз-

давался в коридоре.

Из щели ставен пробивался тусклый свет. Когда глаза привыкли, старик раздвинул ставни.

С коридора был виден переулок. Прошёл молочник, потом продавец тофу – здесь они возят его на тележках, громко трубя в дудочку.

– Сколько стоит? – спросила я.

– Пятьдесят иен, – ответил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.